

Вэнь Ле стал уже третьим репетитором в жизни Ян Шуая.

Первым был Чэнь Ци, студент-третьекурсник. Имя у него было почти девичье, но внешность — далеко не изящная. Никакого благородства: уголки глаз опущены, нижняя губа выпячена. Зачетка, правда, впечатляла: сплошные девятки, повышенная стипендия каждый семестр. Вот только он оказался завзятым сухарем. Объясняя задачи, он частил без умолку, совершенно не замечая, что Ян Шуай уже давно витает в облаках. Три занятия спустя его вежливо попросили на выход.

Второй была Тан Юньцин со второго курса. Миловидная, тихая, с очаровательными ямочками на щеках. Ян Шуай проникся к ней симпатией, но бедной девушке была уготована роль «расходного материала». Когда пришли результаты промежуточных экзаменов и по математике у Ян Шуая снова вышли жалкие пятьдесят-шестьдесят баллов, милашке Тан ничего не оставалось, кроме как собрать вещички и уйти.

Дело было не в том, что Ян Шуай не мог сдать математику. Он не хотел ее сдавать. Парень прекрасно понимал, как родители мечтают о его успехах, и знал, что отец особенно ратует за точные науки. Представления отца застряли в эпохе, когда лозунг «Выучи математику, физику и химию — и нигде в мире не пропадешь» был истиной в последней инстанции. Прозанимавшись бизнесом больше десяти лет, он свято верил в прямую связь между деловой хваткой и математическим складом ума. Каждый раз, интересуясь успехами сына, он спрашивал лишь об одном: «Сколько получил по точным наукам?»

Поэтому лучший способ ударить отца по больному — завалить математику. И когда родители с траурными лицами изучали его табель, заводя волынку о том, как важно прилежно учиться, чтобы в будущем принять семейное дело и вывести его на новый уровень, Ян Шуай лишь втихомолку усмехался.

Бизнес? Семейное предприятие? Чтобы потом тоже завести бабу на стороне? Чтобы жена жила в вечной боли, а сын — в унижении?

Больше всего Ян Шуая бесило то, с каким невозмутимым, почти онемевшим лицом мать делала вид, будто ничего не происходит. Она буднично командовала приходящей прислугой, смотрела телевизор, резалась в маджонг и никогда не спрашивала, где пропадает отец.

Отец же мог не появляться дома по три дня кряду. Возвращаясь, он швырял деньги перед матерью, словно на этом его супружеский долг заканчивался. Сына же он периодически принимался сурово воспитывать. Речи не менялись годами: в наше время условия были тяжелые, учиться не давали, а сейчас я тебе всё на блюдечке принес, так что будь добр, соответствуй.

Эти нравоучения — изо дня в день, из месяца в месяц — осточертели Ян Шуая так, будто его заставляли жрать сырое свиное сало. Деньги, деньги, деньги... Словно всё на свете можно

решить пачкой купюр. Неужели всё так просто?

Как-то раз, возвращаясь из школы после вечерних занятий, он услышал голоса маминих подруг. Те, закончив партию в маджонг, спускались по лестнице и судачили:

— Слушай, а Личжу-то хоть знает про шашни старого Яна?

— Да наверняка знает. Ян там такой шум поднял... Мой муж говорит, что он на все приемы и гулянки таскает эту свою Сяо Вэй. Эх, и терпение же у нее!

— А что ей остается? Разводиться? Мужики — они же все такие, погуляют и ладно. Если хоть пару дней в неделю домой возвращается да деньги дает, то и глаза закрыть можно. Она с ним пятнадцать лет, только и знает, что дома сидеть, телевизор смотреть да кости метать. Кому она сейчас нужна? Фигура поплыла, сама постарела... Где она еще такой прокорм найдет? На одни отступные после развода долго не протянешь. Да и ребенка жалко.

— Это точно. Шуай-шуай такой парень вырос: видный, высокий, учится хорошо. Ради сына точно не разведется.

— Тсс! Потихе вы...

Женщины спустились пролетом ниже, зажегся свет, и они наткнулись на Ян Шуая. Тот стоял посреди лестницы, застыв.

— Ой, Шуай-шуай! Со школы идешь? Ну, мы пойдем тогда, — женщины, смущенно переглядываясь, бочком протиснулись мимо него и быстро скрылись внизу.

Ян Шуай и сам как-то раз видел отца у моста Ханьчжунмэнь. Тот обнимал какую-то расфуфыренную девицу и вместе с ней нырял в ресторан «Шанхай». С Ян Шуаем тогда был его лучший друг Чжоу Вэйцзе, который еще ляпнул: «Ой, тот мужик на твоего батю похож!»

Ян Шуай тут же отвесил ему звонкий щелбан:

— Это я на твоего батю похож!

Чжоу Вэйцзе в долгу не остался, пихнув его локтем:

— Твою мать, ты мне тут не хами!

Они стали не разлей вода, потому что сошлось слишком много факторов. Во-первых, когда-то сидели за одной партой. Во-вторых, жили рядом. В-третьих, у Ян Шуая были деньги на

карманные расходы, а Чжоу Вэйцзе мастерски придумывал, на что их спустить. Идеальный тандем: один дает средства, другой — идеи.

Вообще-то, поначалу Ян Шуай соседа недолюбливал. Всё-таки сам он входил в десятку лучших в классе, а Чжоу Вэйцзе вечно болтался где-то между третьим и четвертым местом с конца. К тому же его мать сбежала с кем-то, и парень жил вдвоем с отцом — вечно непричесанный, в мятой одежде, вид у него был тот еще. Но когда учитель посадила их вместе, сказав, что отличник должен подтянуть отстающего, мнение Ян Шуая изменилось.

Чжоу Вэйцзе был худым, маленьким и смуглым до черноты. Он не мог просидеть спокойно и пяти минут — ерзал так, что даже самый молчаливый стул под его задом начинал скрипеть на все лады уже через три дня. Шариковая ручка в его руках вытворяла невероятные кульбиты, летая так, что рябило в глазах. А еще он знал фокусы: мог засунуть монетку в рот, а вытащить из-за уха, или заставить её исчезнуть и появиться в парте у Ян Шуая. Этот трюк Шуай так и не разгадал.

С ним было интересно. Ян Шуай вдруг понял, что за своей зубрежкой упустил уйму веселья. Вэйцзе, например, виртуозно владел пальцами — показывал какие-то упражнения, где одна рука «стреляла» в четыре пальца другой, или заставлял Ян Шуая учить сложнейшую фигуру «обезьяна лезет на дерево». У Вэйцзе всё выходило плавно, как по маслу, а у Ян Шуая пальцы цеплялись друг за друга так, что хотелось их просто отрубить.

А когда Ян Шуай впервые попал к Чжоу Вэйцзе домой на обед, его снисходительная жалость окончательно сменилась завистью. Это было на пятый день Нового года — отец Вэйцзе решил отблагодарить друга сына за помощь в учебе. Старина Чжоу готовил божественно: накрыл стол с четырьмя холодными закусками, двумя мясными блюдами, четырьмя горячими и супом. Втроем они наелись до отвала и еще долго валялись на диване, не в силах шевельнуться.

Ян Шуай для приличия предложил помочь с посудой, но старик Чжоу только махнул рукой:

— Оставь! Пусть стоит. Сегодня будем отдыхать, а завтра, как придет время готовить, тогда и вымоем. Кстати, сейчас очередь Вэйцзе. Он прошлый раз в споре проиграл, должен был неделю мыть, но из-за простуды не закончил. Так что теперь не отвертись!

Они еще долго в шутку спорили, загибая пальцы и пересчитывая дни. А потом достали «Монополию» и счастливо проиграли в нее весь вечер.

Там было легко. Там было весело. Ощущение равенства и свободы создавало такую атмосферу тепла, какой Ян Шуай не чувствовал никогда. Раньше он сочувствовал Вэйцзе — неполная семья, как ни крути, изъян. Но в тот вечер он с ужасом осознал: изъян — в его собственном доме. Хотя оба родителя на месте, в семье нет ни тепла, ни понимания, ни любви. Одна декорация.

Особенно поразило признание Вэйцзе: отец никогда не требовал от него высоких оценок. Главное — будь здоров, счастлив и делай то, что считаешь правильным. Какая потрясающая

легкость бытия! Жить ради себя, а не ради того, чтобы исправлять ошибки молодости отца или нести на плечах тяжкий груз «процветания рода».

Узнав об отце и этой Сяо Вэй, Ян Шуай проплакал всю ночь, а потом объявил тихую войну. Даже вечно занятый отец заметил неладное: «Шуай-шуай в последнее время какой-то притихший».

Этой скупой заботы было слишком мало. И тогда Ян Шуай начал целенаправленно заваливать математику — то, что больше всего заботило отца.

Первая двойка вызвала настоящий взрыв. Отец в ярости отходил сына ремнем:

— Я тебе даю всё, что ни попросишь! А ты мне — вот такие баллы?! Ты хоть понимаешь, каково мне? Я днями и ночами впахиваю, жилы рву ради этой семьи, а ты мне так платишь?!

Ремень хлестал больно, но Ян Шуай только крепче стискивал зубы. Он молчал, а в душе клокотал яд. «Ради семьи», значит? Охаживать по ресторанам эту смазливую Сяо Вэй — это тоже «ради семьи»?

За первой неудачей последовала вторая, третья... К концу первого полугодия в десятом классе его математика скатилась до жалких шестидесяти трех баллов. В общем рейтинге он рухнул на тридцать какое-то место. На родительском собрании учителя пропесочили его имя, и дома, конечно, снова не обошлось без побоев.

Со второго полугодия в доме стали появляться репетиторы. Ян Шуай только посмеивался. Оценки упали — и отец наконец-то обратил на него внимание. Но этот жест лишь укрепил парня в мысли, что любовь родителей имеет свою цену. Пока ты учишься хорошо и не позоришь фамилию — тебя любят. А стоит споткнуться — и ты уже семейный позор, предатель и вечный должник. Слишком уж расчетливые чувства.

Пока эта обида сидела внутри, никакая математика не могла пойти впрок.

Вэнь Ле стал тем, кто смог немного развязать этот узел.

На первой же проверочной работе Ян Шуай специально начеркал всякую ерунду. Вэнь Ле терпеливо проверил листок, но вместо разбора ошибок предложил обсудить другое:

— Как ты думаешь, зачем вообще нужно учиться?

— Чтобы занимать высокие места и отчитываться перед родителями и учителями, — буркнул Ян Шуай. Ему показалось странным, что этот симпатичный большеглазый парень задает такие вопросы.

— М-м, понятно. А еще?

— Больше незачем. Работать «на дядю» мне не придется, всё равно пойду в семейный бизнес. Так что диплом для поиска работы мне точно не нужен.

— Ясно. Давай я поделюсь своими мыслями на этот счет, не возражаешь?

— Валяйте, — Ян Шуай уже решил, что новый учитель — очередной любитель поболтать.

— Мой отец — учитель, мать — врач. Они всегда твердили: учись хорошо, найдешь престижную работу, будешь получать большие премии — и жизнь сложится удачно. Я был паинькой, слушался их. После университета по протекции отца попал в отличную школу. Но знаешь, что я понял? Родители ошибались. Успеваемость и счастье вообще никак не связаны.

Эти слова попали точно в цель. Чжоу Вэйцзе — вечный двоечник, а в сто раз счастливее него самого. Значит, учиться и правда не надо?

— Но это не значит, что учиться бесполезно, — продолжил Вэнь Ле, будто читая его мысли. — Просто я осознал: учеба — это не только подготовка к экзаменам. Сдать их на самом деле легко: побольше задач, побольше практики, и дело в шляпе. Главное, чему нужно научиться — это умению выбирать. Делать что-то или нет, как делать и до какой степени, делать это с радостью или с мукой — всё зависит от тебя. Важно понять: чего хочешь именно ты? Приведет ли тебя этот путь к цели? Найти свою истинную цель — вот что важнее всего.

Вэнь Ле добавил как бы между прочим:

— Чем больше у тебя способностей, тем шире пространство для выбора. Хорошие оценки — это просто способ забрать себе побольше прав на этот выбор. Нужно стараться, чтобы козыри были у тебя на руках. Тогда инициатива останется за тобой.

На самом деле Ян Шуай зацепили не эти умные рассуждения. Для его возраста они звучали слишком абстрактно, он до конца их и не понял. Но тон Вэнь Ле, выражение его лица... в них чувствовалась искренняя забота.

Парень знал: если к концу семестра математика не выправится, этого учителя тоже заменят. Поэтому он получил семьдесят восемь баллов.

Ровно на пятнадцать баллов больше, чем в прошлом семестре.

Учитель Вэнь был прав. Подтянув оценки на пятнадцать баллов, он получил право оставить учителя при себе.

<http://bllate.org/book/18179/1815346>